

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО СЪЕЗДА НАРОДНИКОВ 1875 г.

Г. М. ЛИФШИЦ

В революционном движении первой половины 1870-х годов были элементы организации, но организационные связи народников этого времени были ограничены и непрочны, всякая мысль о создании централизованной партии вызывала отпор. Она казалась опасной, так как в сознании революционеров были еще живы воспоминания о нечаевщине. Только неудачи «хождения в народ» раскрыли им положительную роль организации.

В нашей литературе эволюция народничества от хаотической системы кружков до возникновения «Земли и воли» еще недостаточно освещена. Только П. С. Ткаченко в своих последних исследованиях¹ пытается раскрыть обстоятельства, которые привели к образованию этой организации. Конкретное изучение проблемы позволило П. С. Ткаченко усомниться в сложившемся представлении о начале «Земли и воли». Известно, что большинство историков и мемуаристов было согласно с тем, что «Земля и воля» выступила на политическую арену в конце 1876 г. Вопреки этому общему мнению, П. С. Ткаченко предполагает, что народнический кружок — эмбрион «Земли и воли» существовал уже за год до того, как осенью 1876 г. эта организация была сформирована окончательно. К сожалению, П. С. Ткаченко не дает хотя бы приблизительной картины развития этой небольшой революционной группы, что в какой-то мере могло бы раскрыть ее историческую роль на пути к новой революционной партии. К тому же иногда он не замечает противоречивости некоторых своих рассуждений, ослабляющих его гипотетические построения.

Возьмем пример, необходимый для освещения интересующей нас темы.

П. С. Ткаченко приводит свидетельство А. Д. Михайлова о том, что начало «Земли и воли» было положено «обновленным и усиленным», изменившим программу кружком чайковцев. Это утверждение А. Д. Михайлова содержит оговорку — он не может рассказать о деятельности чайковцев за период до 1876 г.², так как для этого, по его мнению, еще не настало время³. Отсюда П. С. Ткаченко предполагает, что, по-видимому, в конце 1875 г. возник какой-то кружок, превратившийся со временем в «Землю и волю»⁴. Однако в сообщении А. Д. Михайлова говорится не о новом кружке, а об усилении и обновлении кружка самих чайковцев. Именно они, изменив свою программу, основали «Землю и волю» — таков естественный вывод из слов А. Д. Михайлова.

Кроме того, излагая свою гипотезу, П. С. Ткаченко опускает одно весьма важное свидетельство, а именно показания, данные на следствии Ю. Н. Богдановичем. «В 1875 году, — сообщал Ю. Н. Богданович, — из Торопца я приехал в Москву, где был назначен съезд представителей кружков разного направления, а также отдельных лиц с целью сделать первую попытку объединения разрозненных кружков и лиц. Но попытка эта удалась только отчасти. Выработки общей программы деятельности не последовало, и было лишь принято решение совместно поселиться в некоторых центральных

¹ П. С. Ткаченко. О некоторых вопросах истории народничества. «Вопросы истории», 1956, № 5; Его же. К вопросу о возникновении и составе «Земли и воли» 70-х годов. «УЗ МГУ», 1952, вып. 156; Его же. Революционная народническая организация «Земля и воля», М., 1961.

² Показания А. Д. Михайлова о кружке чайковцев до известной степени условны. В 1875 г. большинство участников этого кружка было уже в тюрьмах или за границей. А. Д. Михайлов имеет в виду кружок, который группировался вокруг бывших чайковцев Н. И. Драго, М. А. Натансона, С. Л. Перовской, А. И. Сердюкова и др. За ними сохранилось старое название, которым мы будем пользоваться, учитывая, что известное в литературе другое название кружка — Большое общество пропаганды — в этот период не употреблялось.

³ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов, М.—Л., 1925, стр. 98.

⁴ П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и воля», стр. 64.

губерниях, вмещающих в себе все разнообразие форм народной жизни с тем, чтобы в течение года составить уже совершенно определенные и точные ответы на выработанные на этом съезде вопросы... Предпринятая работа, о которой я только что упомянул привела в 1876 году к новому съезду в Петербурге, который и положил основание общереволюционной русской партии, названной народнической»⁵.

Следовательно, Ю. Н. Богданович утверждает, что исходным пунктом деятельности народников, заложившей фундамент «Земли и воли», был Московский съезд 1875 г. Что мы знаем об этом событии? Ни в мемуарах, ни в известных документальных источниках,— нигде о нем нет никаких сведений. Ни одно исследование не содержит даже попытки объяснить показания Ю. Н. Богдановича. Единственное упоминание о Московском съезде содержится в хронике революционного движения, составленной В. Л. Бурцевым⁶, но факт этот изложен там в статье под 1876 г. По-видимому, однако, речь здесь идет о том же событии, которое упоминает Ю. Н. Богданович. В обоих свидетельствах о Московском съезде их авторы связывают этот факт с началом народнических поселений. Анализируя датировку В. Л. Бурцева, нетрудно убедиться в ее ошибочности. Автор отнес к 1876 г. три события — Петербургский и Московский съезды народников, а также последовавшую за ними весной организацию народнических поселений. Следовательно, по смыслу этой хронологической записи, оба съезда происходили ранее весны 1876 г. Между тем, Петербургский съезд народников был создан в конце сентября 1875 г.⁷ Но если в отношении Петербургского съезда была допущена ошибка, то возможно, что такая ошибка произошла и с Московским съездом, который состоялся раньше, чем Петербургский, так как Ю. Н. Богданович определенно утверждает, что это была первая попытка объединения кружков. Петербургский съезд 1875 г., также занимавшийся объединением народников, следует считать второй такой попыткой.

Итак, мы располагаем свидетельствами о Московском съезде, которые достаточно авторитетны. Рассказывая следователям о прошлом, Ю. Н. Богданович не стал бы выдумывать фантастическую историю уже потому, что таким образом он мог лишь ухудшить свое положение. Следовательно, в своих показаниях он мог допустить ошибку только бессознательно. Но так как они были даны всего через семь лет после события, в котором участвовал сам свидетель, это маловероятно. Он не мог забыть факт, которому придавал исключительное значение и который был тесно связан с его собственной деятельностью. Ведь речь идет о событии, которое положило начало разработке народнической платформы.

По свидетельству В. Н. Фигнер, осенью 1876 г. Ю. Н. Богданович вместе с А. И. Иванчиным-Писаревым и Н. И. Драго написал программу, которая легла в основу платформы «Земли и воли»⁸. Кому же, как не Ю. Н. Богдановичу, знать, что «вопросы», которые стали первой вехой в подготовке этой программы, были выработаны на Московском съезде 1875 г.? Факты, сообщенные им, естественно связаны между собой и не вызывают сомнения. Здесь все указано определенно и точно, даты и события находятся в такой причинно-следственной связи, что создают вполне правдоподобную историческую картину. Она не противоречит известным событиям народнического движения этой поры, не разрушает наших представлений о его развитии, а, наоборот, многое здесь объясняет.

В истории революционной борьбы 1875 год — сложное и трудное время. Разгром стихийного похода молодежи в народ развеял ее надежды на быстрый успех пропаганды. Главная тактическая идея прошлого плохо выдержала испытание революционной практикой. Для многих пропагандистов стало ясно, что необходимы поиски новых методов борьбы. Теоретические и организационные основы движения были подвергнуты весьма скептической переоценке. По свидетельству М. Р. Попова, это было время, когда

⁵ С. Валк. Из народовольческих автобиографических документов. «Красный архив», 1927, т. 20, стр. 213. Подлинник хранится в ЦГАОР СССР, ф. 112, ОППС, оп. 1, л. 526. пр., л. 783 об.

⁶ В. Бурцев. За сто лет, Лондон, 1897, стр. 87 (1876).

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1737, д. 95, л. 136.

⁸ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1929, стр. 108—112.

планы революционной деятельности стали предметом критики⁹. В Н. Фигнер изображает затишье этого года как проявление временной идейной опустошенности народников — прежняя программа была уже изжита¹⁰. О. В. Аптекман характеризует этот период как переходный, когда народники стали перед необходимостью создать сильную организацию и начать более широкую агитацию среди крестьян¹¹. Л. Г. Дейч также свидетельствует о том, что в 1875 г. в народничестве происходило изучение ошибок и неудач революционной пропаганды, «намечались новые приемы деятельности и складывались иные, чем раньше, отношения между членами революционных кружков»¹². Как переходное время рассматривал этот период и П. Л. Лавров. Он говорит об утверждении новых теоретических истин и о сближении революционных кружков различных направлений¹³. На короткое время идейные разногласия народников как бы сгладились перед острой необходимостью объединить остатки разрозненных кружков. Всеми владела одна мысль — собрать воедино сохранившиеся от разгрома революционные группы. Позднее в одном из своих писем Г. Ф. Зданович назвал это «связоманией»¹⁴.

Кроме этих общих сведений, характеризующих возможность созыва съезда народников в 1875 г., есть и другие, подтверждающие сообщение Ю. Н. Богдановича. Он говорит, что Московский съезд выработал вопросы для разработки программы будущей организации. О существовании подобных вопросов известно и от П. Л. Лаврова, который в книге «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.»¹⁵ сожалел, что к Парижскому съезду 1876 г. и после него лавристы не могли собрать ответы на вопросы по важнейшим проблемам революционной теории¹⁶. Это обстоятельство имеет, по нашему мнению, отношение к Московскому съезду. Копия вопросов, о которых идет речь, опубликована. Документ этот озаглавлен П. Л. Лавровым так: «Вопросы, разосланные перед Парижским съездом декабря 1876 года». Позднее красным карандашом П. Л. Лавров пометил: «Относится к осени 1875 года перед съездом»¹⁷. Но и эту дату можно уточнить. Лавров вспоминал, что ответы на программные вопросы были написаны им уже в июле 1875 г.¹⁸. Следовательно, наш документ относится к более раннему времени, к июню или даже весне этого года. Если так, то какой же съезд имел в виду П. Л. Лавров, утверждая, что вопросы разосланы осенью 1875 г. «перед съездом»? Ясно, что в данном случае он писал о Петербургском съезде народников 1875 г. Это подтверждается тем, что в ответе П. Л. Лаврова речь идет об организации союза социально-революционных кружков. Попытка создать такой союз была предпринята в 1875 г. на Московском съезде (об этом мы знаем от Ю. Н. Богдановича), а организовано это объединение было Петербургским съездом народников, на котором, по свидетельству лавриста Л. Гинзбурга, фигурировало уже четыре варианта ответов на вопросы¹⁹.

Где же и кем был составлен интересующий нас источник? Согласно показанию Ю. Н. Богдановича, такого рода программный вопросник был выработан на Московском съезде в 1875 г. Чтобы определить, имел ли Ю. Н. Богданович в виду анкету, которая летом 1875 г. была прислана П. Л. Лаврову, сопоставим ее с землевольческой платформой 1876 г., которая, по рассказу Ю. Н. Богдановича, была создана путем выработки ответов на вопросы Московского съезда народников.

⁹ М. Р. Попов. Записки землевольца, М., 1933, стр. 60—61.

¹⁰ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 103—104.

¹¹ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов, Л., 1924, стр. 177.

¹² Л. Дейч. Полувековые годовщины. «Группа освобождения труда», 1926, сб. 4, стр. 80.

¹³ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., Л., 1925, стр. 237.

¹⁴ Э. Корольчук. Письма Г. Ф. Здановича. «Красный архив», № 20, 1927, стр. 201.

¹⁵ П. Л. Лавров. Указ. соч., стр. 257.

¹⁶ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, М., 1964, стр. 400—406.

¹⁷ Там же, стр. 406.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 390, зап. кн. 25, л. 5об.—6.

¹⁹ Там же, л. 19.

Каковы должны быть окончательные цели, к осуществлению которых должна стремиться социалистическая партия? ²⁰

Осуществимы ли эти цели при первом удавшемся социалистическом движении в России?

Если не осуществимы, то каковы должны быть ближайшие требования социалистической партии в России?

Могут ли народные массы осуществить свои ближайшие социальные требования фактом революции или же они должны стремиться к приобретению политической власти, чтобы посредством нее осуществить эти требования?

Имеет ли значение литературная пропаганда в нашем народе?

Нужна ли особенная литература для интеллигенции?

В каких явлениях выражается в нашей жизни борьба неимущих классов с имущими на социальной, экономической, политической и религиозной почве (стачки, бунты, секты и т. п.)? Какими из этих явлений возможно воспользоваться для целей пропаганды?

Нужно ли вести пропаганду в войске? Каковы должны быть ее цели?

Из всех родов западноевропейского социализма мы всецело сочувствуем федералистскому интернационалу, т. е. анархистам, но полагаем, что осуществление анархических идеалов во всей их полноте в данный момент невозможно ²¹.

Признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельной и сильной только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического идеала, а с другой, что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы думаем, что деятельность наша должна опираться на следующие основания... (Далее следуют три пункта, содержащие требования организации — Г. Л.).

Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу «Земля и воля».

Само собой разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота...

Пропаганда наших идей и агитация литературою: издание собственного органа и распространение листовок зажигательного характера в возможно большем количестве.

Сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, например, бегуны, неплательщики (спропагандированная), штунда и проч.

Заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений среди крестьянского населения этих районов.

Привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шайк типа понизовой вольницы.

Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих, заводских и фабричных.

Деятельность людей, взявшихся за исполнение последних четырех пунктов, должна заключаться в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом.

Заведение связей и организации в войсках и, главным образом, среди офицерства.

²⁰ В источнике двадцать вопросов, они перечисляются здесь дважды, второй раз составители дали к ним комментарий, а в связи с этим в двух-трех случаях значительно изменили формулировки самих вопросов. Мы пользуемся формулировками наиболее полными и точными.

²¹ На первый вопрос вторая программа «Земли и воли» дает прямой ответ: «Ковечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм» («Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, М.—Л., 1965, стр. 30).

Нужно ли вести пропаганду в привилегированных классах общества? Каковы должны быть ее цели? ²².

Заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу.

Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

Пропаганда и агитация в университетских центрах среди интеллигенции, которая в первое время является главным контингентом для пополнения рядов нашей организации ²³.

Как видим, приведенные здесь вопросы нашли свое отражение в программе землевольцев, хотя не в форме прямых ответов, что, естественно, не могло быть в таком документе, как платформа организации. Что касается остальных вопросов, то они, кроме двух, оставшихся без ответа, касаются проблем организации и революционной этики и получили разрешение в уставе «Земли и воли». Следовательно, вопросник, который был прислан П. Л. Лаврову, действительно является документом Московского съезда 1875 г.

Участников этого события установить почти невозможно. И не только потому, что организация съезда — дело конспиративное. Ведь существует мемуарная литература, и, она, казалось бы, могла нам помочь. Однако революционное движение 1875 г. освещено в воспоминаниях слабо. В то время, когда проходил Московский съезд, почти все народники, которые много лет спустя писали мемуары, находились в тюрьмах, за границей, в далеких от Москвы районах страны или вообще не вступили еще на революционный путь. Следствия по делам различных народнических групп каких-либо сведений о Московском съезде полиции не дали (кроме известного показания Ю. Н. Богдановича). Отчасти это объясняется тем, что история Московского съезда связана с деятельностью лавристов, которые в 1878 г. уже отошли от революционной борьбы. Участники Московского съезда, которые позднее находились под следствием, конечно, не могли упоминать о событии, в котором были замешаны легальные лица. Возможно поэтому А. Д. Михайлов, давая известные нам показания, считал преждевременным говорить о деятельности чайковцев в конце 1875 г., т. е. в период, когда они выступали на политической арене совместно с лавристами. Вообще Московский съезд — это тайна весьма узкого круга лиц. И все же, помимо Ю. Н. Богдановича, можно назвать двух революционеров, чьи имена были связаны с этой попыткой объединить кружки. Один из них — М. А. Натансон, который в декабре 1875 г. на переговорах с редакцией «Вперед» в Лондоне обвинил П. Л. Лаврова в том, что на страницах газеты не разбирались вопросы, поставленные, как уже известно, Московским съездом ²⁴. После этого, кстати, П. Л. Лавров напечатал в газете «Вперед» серию передовых статей, представляющих собой не что иное, как развернутые ответы на эти вопросы. Второй — Л. Гинзбург, который, вероятно, переслал вопросы Лаврову. Редактор «Вперед» В. Смирнов в одном из своих писем называл этот документ «вопросником Лахудрика», т. е. Гинзбурга ²⁵.

Итак, попытки народников прийти к единому взгляду на задачи революционного действия привели к тому, что в 1875 г. представители различных кружков, собравшиеся в Москве, наметили общий для всех путь к соглашению и выработали нечто вроде предварительного плана программы — анкету для опроса по основным проблемам, решение которых должно было определить идейную платформу народнической организации.

Чтобы наметить дальнейшие пути движения, авторы вопросника прежде всего решили изучить опыт деятельности различных кружков и составить картину их организационных принципов, их общих взглядов. Представители кружков искали причины «неустройства в делах социалистической партии» не в объективно-исторических условиях и недостатках своей теории, а в области организации и тактики. По их мнению, «дела могли бы идти гораздо лучше» ²⁶. Неудача «хождения в народ» — следствие

²² «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I, М., 1964, стр. 401—405.

²³ Там же, т. II, М.—Л., 1965, стр. 27—30.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 390, зап. кн. 25, л. 6.

²⁵ Там же, ф. 1737, д. 94, л. 93.

²⁶ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 402.

дезорганизации, распыленности, изолированности революционных групп. Эти присущие движению слабости и привели к тому, что правительство успело парализовать народнические кружки до того, как пропаганда принесла какие-либо результаты.

Чем же были вызваны эти явления? Авторы анкеты не усматривают за ними каких-либо идеологических причин. По их мнению, соперничество и столкновение интересов — это следствие организации революционных кружков. Так, независимо от главной мысли вопросника (мысли о том, что для создания единой организации необходимо выработать общую идейную платформу) предполагается возможность устранить разобщенность революционеров путем простой замены кружковой системы единой организационной структурой.

В этом заключается внутреннее противоречие нашего документа.

Его составители осудили взаимную борьбу кружков за влияние среди революционеров, так как она подрывает общее движение к единой цели и ведет к нарушению революционной этики. Они обращают внимание своих товарищей на печальные последствия кружковщины, «дела кружка стали выше общего дела, сплетни иногда довольно грязного свойства, взаимное недоверие и даже открытая вражда сделались неизбежными последствиями положения дел...»²⁷.

Авторы вопросника признавали, что кружковая организация когда-то имела «свое *raison d'être*». Но, по их мнению, она была исторически ограничена. Если ранее, в период первых революционных действий, организация, основанная на личных отношениях, отвечала условиям борьбы, то в новых обстоятельствах, когда движение приобрело широкий размах, эта система потеряла свое положительное значение. «Когда,— говорится в анкете,— возродившаяся социалистическая мысль начала волновать нашу молодежь, единственно возможным способом группировки сил была группировка по прежним личным отношениям...». Кружки в это время складывались так, что «люди с мнениями совершенно идентичными находились в различных кружках, а люди, весьма разнящиеся между собою по оттенкам своих мнений, находились в одном и том же кружке». Имевшиеся в кружках идейные различия их участников не мешали единству действий. А если так, то почему же эти разногласия должны помешать объединению кружков? Таким образом, в анкете снова выступает противоречие между мыслью об идеологическом единстве организации и идеей создания революционной партии без выработки программы. Уже сейчас можно сделать вывод, что некоторые из авторов анкеты не придавали идейным разногласиям большого значения. Они утверждают, что революционная практика выявила людей дела, «желающих делать дело и способных его делать»²⁸. Эта формулировка стирала всякие особенности мировоззрения участников движения, разделяя их на «людей дела» и людей, не способных его делать. Какой же путь преодоления организационной неурядицы указывали составители вопросника «людям дела»? «...Нам кажется,— читаем мы в анкете,— что единственный исход из настоящего затруднительного положения заключается в том, что принцип личных симпатий и антипатий не будет служить больше руководящим принципом при группировке сил социалистической партии, а будет заменен принципом группировки для дела и на почве дела»²⁹.

Теперь ясно, что указанные в анкете противоречия — не случайность: они отражают разногласия между теми, кто требовал идеологического сплочения членов организации, и теми, кто единственный выход видел в группировке сил «на почве дела». Как объяснить эти противоречия? Известны различные точки зрения народников на организационные вопросы, и это должно в данном случае помочь.

Принципы организации вызвали раскол между народниками при создании «Земли и воли». В. Н. Фигнер свидетельствует о том, что в то время одни, из которых «большинство побывало в группах, связанных узами самой тесной дружбы и симпатии, стояли за то, что глубокое взаимное доверие, близкое знакомство и взаимная симпатия должны быть непременно условием всякой организации, другие утверждали, что организация, построенная на таких началах, будет прочна, тесна и никогда не примет

²⁷ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 1, стр. 402.

²⁸ Там же, стр. 403.

²⁹ Там же.

таких обширных размеров, как в том случае, когда одной деловитости человека, его доказанной полезности и честности будет достаточно для принятия в члены»³⁰.

Во время составления анкеты должно было произойти столкновение этих двух точек зрения, но в анкете отражена только одна из них — та, которая признает «принцип дела». Из этого следует, что верх одержали проводники идеи организации партии «на почве дела». Провозгласив деловой принцип единственным методом организации партии, представители кружков все же не приняли окончательных решений и обратились к более широкой массе, ко всем участникам движения. Они были вынуждены пойти на компромисс, т. е. признать необходимость выработки общей программы. Действительно, их мысль о «принципе дела» противопоставлена прежде всего идее обязательности дружеских связей членов организации. Характерно, что Л. Гинзбург, вспоминая историю кружков и попытку их объединения в 1875 г., говорил: «До уяснения принципов все устанавливалось на почве личных отношений. Это неизбежно. Не может быть между многочисленными членами достаточно симпатичных отношений (...?). Образуются группы, на почве дела они могут соединиться, но только как группы»³¹.

Если раньше «дело» могло быть определено в узком кругу близких членов кружка, то теперь личные отношения в конце концов могли быть заменены только идейной связью, общностью революционных устремлений. Составители анкеты не пошли так далеко, чтобы отказаться от выработки общей программы. По крайней мере большинство их считало идейное объединение столь же необходимым, как и организационное. Поэтому ими была составлена анкета по программным вопросам, а не договор о союзе идейно разобщенных кружков. Анкета — это самое убедительное доказательство компромисса группировок, сложившихся в решении организационных вопросов. «...Если, — говорится в анкете, — при прежних условиях наперед условленная, точно определенная программа не составляла крайней необходимости, то при предлагаемой реформе такая программа является условием *sine que non*, необходимым исходным пунктом деятельности. Вот почему, прежде чем приступить к осуществлению какой бы то ни было реформы в группировке наших сил на основании нового принципа, необходимо сообща выработать вполне определенную программу социалистической партии в России»³². Однако, как кажется, компромисс был заключен не в пользу тех, кто отстаивал необходимость определить идейные основы будущей партии. Формулировка «принцип дела» — единственный путь организации не может быть случайностью, она противоречит главному выводу представителей кружков и создает впечатление, что «принцип дела» все же торжествует³³.

Итак, среди участников Московского съезда возникли разногласия как идеологического, так и организационного характера. И эти противоречия сплелись в такой сложный узел, что разрубить его представители кружков не могли. Здесь не было еще такого глубокого раскола, какой произошел через год, когда вопрос о программе был уже решен и на первый план выступали организационные проблемы. Тогда те, кто требовал провести прежде объединения революционеров идейное размежевание их, распались окончательно на две группы, одна из которых присоединилась к бывшим сторонникам «деловых отношений», сплотившимся вокруг «Земли и воли», а вторая (С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Д. А. Клеменц, Н. А. Саблин, А. К. Соловьев, М. П. Лешерн и др.) образовала вокруг Ю. Н. Богдановича, А. И. Иванчина-Писарева и Н. Н. Драго самостоятельный кружок, сплоченный дружескими отношениями его членов³⁴. Но уже

³⁰ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. I, стр. 112.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 390, зап. кн. 25, л. 18 об.

³² «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 403.

³³ Кроме изложенной здесь основной организационной проблемы, Московский съезд народников выдвинул перед всеми участниками кружков вопрос об отношении будущей организации к различным политическим группировкам в стране и к социалистическим партиям за границей, а также спрашивал о том, «чем может быть заменена существующая система... кружков», «каков должен быть принцип организации (централистский или федеральный)», «каким можно представить себе последовательное развитие социалистической партии в России и каково должно быть вытекающее отсюда первоначальное распределение сил». («Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 405). Размер настоящей статьи не позволяет нам характеризовать эти вопросы подробно. Однако необходимо все же отметить, что в свое время они уже были освещены в программе чайковцев.

³⁴ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. I, стр. 113.

среди составителей анкеты наметились группировки по их отношению к организационным принципам будущей партии. В 1875 г. они стали одним из тех подводных камней, которые мешали осуществлению планов немедленного объединения кружков.

Анкета, по-видимому, охватывала не все теоретические проблемы, которые съезд обсуждал, а только те, «которые возбудили несогласия во мнениях». Ее авторы выражали надежду преодолеть идейные противоречия путем выявления взглядов «каждого, вступившего на поприще практической деятельности» в народе и определения таким образом наиболее распространенных представлений о целях и методах революционной борьбы³⁵. Вопросник — это программа дискуссии, в ходе которой должны были решиться поднятые в нем проблемы.

Тот факт, что путем распространения своей анкеты представители кружков решили прибегнуть к своего рода «плебисциту» среди людей новой революционной России, сам по себе свидетельствует о наличии больших разногласий между ними, а каждый поставленный вопрос является не чем иным, как изложением этих разногласий. Идея объединения кружков возникла у чайковцев и лавристов³⁶, а их программы были различны. Мы постараемся показать отличия в понимании ими выдвинутых на съезде проблем революционного движения. Эти вопросы изложены в виде альтернативы или во всяком случае предполагают два решения, две точки зрения, представленные среди составителей анкеты, на Московском съезде, накануне его и вокруг него. Разумеется, в некоторых случаях сами вопросы предполагают единодушное решение.

Какие же проблемы были предметом дискуссии? Составители анкеты разделили их на две группы. Первая касалась целей революционной деятельности, вторая — средств достижения общественного идеала. Прежде всего участников съезда интересовало, каковы «должны быть те окончательные цели, к осуществлению которых должна стремиться социалистическая партия»³⁷. Это был первый пункт анкеты. Но прежде чем поставить эту проблему на обсуждение в кружках, съезд должен был признать необходимость включения в программу характеристики общественного идеала. В этом решении было выражено влияние тех народников, которые требовали выработки научного представления о будущем строе. Программные документы лавристов и «Всероссийской социально-революционной организации» не создавали ясной картины будущего. Только чайковцы, вырабатывая свою программу, несколько отошли в этом смысле от ортодоксального анархизма с его отрицательным отношением к попыткам научно представить идеал общества.

Вопрос об окончательных целях организации вызывал острую полемику между теми, кто считал, что дело революционеров — только разрушить старый мир, и теми, кто видел необходимость определить общественный идеал как стратегическую цель для установления путей социального движения и будущей созидательной деятельности народа и как тактическое средство, которое должно было привлечь новых сторонников и воодушевить массы в революционной борьбе.

Второй вопрос — «осуществимы ли окончательные цели при первом же удавшемся социалистическом движении в России?» — также вызывал различное понимание представителей кружков. Они объясняли, что в данном случае первое удавшееся социалистическое движение они представляют себе как «первое по времени народное движение, которое сделает народ распорядителем своих судеб»³⁸. В вопросе и комментарии выразилось общее для народников заблуждение насчет возможности осуществить социализм в результате крестьянской, по существу буржуазно-демократической революции. Однако авторы анкеты предвидели возможность и отрицательного ответа на этот вопрос.

В связи с этим они спрашивали, что, по мнению их товарищей, может быть «осуществимо после первого движения»?³⁹. До сих пор только чайковцы ясно высказались о задачах, которые должна была, с их точки зрения, решить народная революция уже на первом ее этапе. Их программа рекомендовала «сразу после дезорганизации правительства» объявить землю общественной собственностью, а орудия сельского труда —

³⁵ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 403.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 390, зап. кн. 24, лл. 33об.—34.

³⁷ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 404.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

собственностью крестьянского мира, произвести передел земли, ввести артельный суд, распустить армию и т. д. Но этот конкретный план, видимо, мог удовлетворить не всех революционеров, принимавших участие в выработке вопросника. Деятельность в народе уже показала многим пропагандистам, что слишком широкие и отвлеченные требования не были понятны крестьянству. Опыт «хождения в народ» подсказывал, что нужно теснее связать революционные требования с повседневными интересами масс. Конечно, с точки зрения ортодоксального народничества этот вывод был оппортунизмом, недопустимым компромиссом или даже отступлением от революционных принципов. Естественно поэтому, что этот вопрос должен был вызвать среди представителей кружков споры, которые, впрочем, не были для них неожиданными. Еще в программе чайковцев было объяснено, почему между революционерами возникают по этому поводу разногласия. Правда, для чайковцев они не имели реального значения. По их мнению, различия в понимании целей социальной борьбы появляются из-за недоразумений: те социалисты, которые расходятся в своих представлениях о будущем, спорят о разных периодах осуществления общественного идеала. Исходя из этих соображений в анкете и поставлены два отдельных вопроса — об окончательных целях и ближайших требованиях партии.

Разногласия среди революционеров вызывал и «частный случай» предыдущего вопроса — «могут ли народные массы осуществить свои ближайшие социальные требования фактом революции или же это для них невозможно и они должны стремиться к приобретению политической власти и потом уже при ее помощи осуществить свои социальные требования?»⁴⁰. В формулировке этого «частного случая» составители анкеты выступают типичными народниками, они не только смешивают демократический переворот с революцией социалистической, но и слишком односторонне разделяют политику и социальные требования масс. В самой постановке вопроса содержится оттенок недоверия к политике, ибо она рассматривается как нечто отдельное от социального движения.

Ставя на обсуждение этот «частный случай», составители анкеты неизбежно должны были столкнуться с различным пониманием задач партии в демократическом перевороте. Последователи Лаврова признавали значение демократических свобод для развития социальной борьбы и потому ничего не имели против проведения их в жизнь (но только самим народом)⁴¹. Программа же чайковцев утверждала, что политическая демократия осложнит условия революционного движения. По их мнению, установление демократических институтов могло ослабить социальную борьбу⁴². Поэтому признание необходимости переворота означало для них отрицание социальной революции, капитуляцию перед буржуазным либерализмом. Естественно, что выразители столь различных точек зрения не могли прийти к соглашению.

Тактические проблемы революционного движения были разделены составителями анкеты на две группы. Первая из них посвящена средствам воздействия на крестьянство и интеллигенцию, вторая — организации партии.

Представители кружков видели основной путь распространения революционных идей в пропаганде. Никаких решающих сдвигов в этом отношении они не совершили, еще не до конца представляя себе огромное значение агитации. В целом они остаются в пределах тактических идей периода «хождения в народ». Проблема, которая интересовала их прежде всего, заключалась в том, «каково должно быть содержание пропаганды в народе». Все участники кружков — чайковцы, лавристы, бунтари — были объединены неким общим взглядом, — пропаганда была для них, прежде всего, средством распространения идей социальной революции. Однако вопросы, поднятые при составлении анкеты о целях социального движения и общественном идеале, об отношении к политическому перевороту и ближайших требованиях революционной организации, а равно и все разногласия, которые были ими вызваны, — все это неизбежно должно было проявиться и в оценке содержания революционной пропаганды.

Оживленная дискуссия могла возникнуть на съезде вокруг вопроса о том, можно ли, действуя в народе, соединить социалистическую и антирелигиозную пропаганду.

⁴⁰ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 404.

⁴¹ П. Л. Лавров. Избр. соч. на соц.-полит. темы, т. 2, М., 1934, стр. 37.

⁴² «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 81—82.

По признанию составителей анкеты эта проблема вызвала расхождения «во мнениях русских социалистов»⁴³. Еще недавно большинство народников рассматривало атеизм как обязательный элемент социальной пропаганды. Бакунисты и последователи Лаврова были в данном случае солидарны. Однако характерно, что в программе чайковцев этой проблеме не было посвящено ни одного слова.

Неудачный опыт пропаганды в народе заставил искать новые тактические идеи, он требовал, в частности, более осторожной, более искусной борьбы с религиозными заблуждениями. Непосредственное общение с крестьянами привело некоторых к мысли отказаться от борьбы против бога или, по крайней мере, не связывать ее с пропагандой социальных идей. Некоторые из народников пошли дальше. Они предлагали использовать религиозные настроения крестьян и, в частности, сектантство для достижения революционных целей. Представители кружков признали, что «этот вопрос последнее время получил практическое значение». Но в ходе дискуссии получила преобладание отрицательная оценка этой идеи. Составители вопросника рассматривали ее не только с точки зрения практического успеха пропаганды. Их беспокоило отступление от революционных принципов, требующих борьбы с религией. Не нужно забывать, что у Бакунина и его последователей антирелигиозная точка зрения получила даже одностороннее и неправильное развитие. Недаром же, приводя недостойные, с точки зрения революционной морали, методы борьбы, авторы анкеты ставили перед всеми участниками кружков вопрос: «Дозволительно ли пользоваться религиозным фанатизмом... как средством пропаганды или вообще проповедывать основы социалистического мирозерцания как учение, исходящее от высшего существа?»⁴⁴. По-видимому, большинство представителей кружков допускало только возможность отделить антирелигиозную пропаганду от пропаганды социальных идей. В вопросе же об использовании религиозных течений в социальном движении их больше всего пугала этическая сторона дела.

В связи с разногласиями пропагандистов по вопросу о распространении народных книжек составители анкеты обратились к своим товарищам по борьбе с вопросом: имеет ли значение «литературная пропаганда» социальных идей вообще? Возможно, что по этому поводу у авторов анкеты не было единодушия и среди них находились лица, которые считали, что «литературная пропаганда не имеет никакого значения и есть только трата времени и труда»⁴⁵.

Известно, что наиболее крупная группа народников — чайковцы главное место отводили устной пропаганде, допуская, однако, и распространение народных книжек⁴⁶. Лавристы также рассматривали литературную пропаганду как одно из сильных средств революционных действий. Мысль о том, что литературная пропаганда не нужна, могла появиться только после неудачного опыта ее применения, когда обнаружились факты невосприимчивости крестьян и рабочих к социальным идеям, изложенным в литературной форме. Противники литературной пропаганды могли относиться к ней критически и потому, что книжка, обнаруженная полицией, нередко служила «вещественным доказательством» — единственной уликой против революционера. Вопрос о значении литературной пропаганды был непосредственным откликом на неудавшиеся попытки ее применения, которые и заставляли искать иные методы борьбы. Однако в какой-то мере это было и возвращением к бакунистскому отрицанию знания, культуры во имя «дела».

С практическим опытом «хождения в народ» тесно связан также вопрос о том, «имеет ли значение... вид пропаганды личной, когда пропагандист действует в положении человека из привилегированных классов общества (медики, фельдшеры, учителя и т. п.) или даже в положении рабочего, но не скрывает своего происхождения из привилегированных классов?»⁴⁷. Прежде большинство народников считало, что наиболее удобными для пропаганды являются условия, создающие революционеру непосредственную связь с народом в его трудовой деятельности. Эта мысль получила, например, признание в программе чайковцев. Возможность использования для пропаганды роли медика, фельдшера, писаря и т. п. чайковцы признавали только в частном случае,

⁴³ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 404.

⁴⁴ Там же, стр. 406.

⁴⁵ Там же, стр. 404.

⁴⁶ Там же, стр. 105.

⁴⁷ Там же, стр. 404.

как исключение⁴⁸. Кроме того, согласно общему взгляду, положение рабочего или крестьянина должно было в известной мере обеспечить конспирацию пропагандиста.

Пожалуй, никто из народников не провел эти требования в жизнь так последовательно, как члены «Всероссийской социально-революционной организации». И все же они не избежали арестов. Это лишний раз доказывало, что сама по себе одежда рабочего или крестьянина была плохим средством конспирации. Попытка революционера поддаться под человека из народа обращала на себя внимание и демаскировала его. Но главное — положение рабочего или крестьянина не создавало пропагандисту условия для широкой революционной деятельности. Работа на фабриках или в сельских кузницах отнимала много сил и времени, которые профессиональный революционер должен был отдать пропаганде. Следовательно, опыт свидетельствовал о том, что положение человека из народа имело не только свои преимущества, но и большие недостатки. В связи с этим представители кружков и решили пересмотреть свои старые представления. В своей анкете они говорят о том, что по этому поводу среди народников происходили бесконечные споры.

Большие разногласия вызывал у народников вопрос о том, как воспользоваться для революционной агитации общественными явлениями, в которых «выражается... борьба неимущих классов с имущими на социальной, экономической, политической, религиозной почве», «какие из них необходимо вызывать и каким из них нельзя способствовать, т. к. это означало бы принести больше вреда, чем пользы». Как поясняет анкета, эти проблемы были подняты в связи с тем, что они «касаются весьма важного пункта о значении пропаганды массам в момент их возбуждения против эксплуатирующих классов»⁴⁹.

Составители анкеты не употребляют слово «агитация», хотя речь идет именно о ней. Они пользуются выражением «пропаганда массам», которое было уже применено в программе чайковцев. Но старая формулировка получила новое звучание. К этому времени агитация стала особенно актуальной проблемой движения. Авторы нашего документа не могли пройти мимо этого вопроса, тем более, что он уже был поставлен в программе чайковцев.

Судя по анкете, особенно острая дискуссия возникла вокруг вопроса о том, как относиться к народным бунтам. Представители кружков признают, что вопрос о бунтах был поставлен под влиянием «части... социалистов, возбудившей... наибольшие несогласия»⁵⁰. Эта формулировка свидетельствует о том, что большинство (в отличие от «части социалистов») отнеслось к бунтам отрицательно или, по крайней мере, настолько осторожно, чтобы не решить этот вопрос категорически, прежде чем будут какие-либо доказательства, которые могли бы изменить отношение к нему.

Доводы в пользу бунтов не были приняты большинством съезда, хотя бунтари и могли подкреплять их ссылками на теоретическое обоснование этой тактики. Например, чайковцы призывали своих единомышленников изучать конкретные обстоятельства, прежде чем решать, можно ли возбуждать местные волнения с «частной целью». Но в случае возникновения такого движения они требовали оказать ему поддержку. Бунт с социальной целью чайковцы считали необходимым в любых обстоятельствах, и даже в том случае, если нельзя рассчитывать на его успех⁵¹. В подобных трагических эпизодах они усматривали средство воспитания масс. Однако цена эта не без основания казалась большинству слишком дорогой.

По-разному смотрели представители кружков и на стачки. Чайковцы отрицали их значение для пропаганды идей социальной революции. Они обосновывали этот взгляд ссылками на опыт рабочего движения в Европе, где стачки служили будто бы только средством для того, чтобы добиться различных уступок у правительства и буржуазии. Незначительные улучшения экономического быта рабочих, по мнению чайковцев, лишь ухудшали условия социальной борьбы и отвлекали массы от главной задачи — конкретной перестройки общественных отношений⁵². Так как многие из народников, в част-

⁴⁸ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 1, стр. 96—97.

⁴⁹ Там же, стр. 404.

⁵⁰ Там же, стр. 405.

⁵¹ Там же, 108—109.

⁵² Там же, стр. 110—111.

ности лавристы, имели иные взгляды на роль и значение стачечной борьбы западно-европейских рабочих, в ходе обсуждения этого вопроса представители кружков должны были столкнуться с глубокими идейными противоречиями.

Составители анкеты обращали внимание своих товарищей в кружках на положительное значение стачек, которые, по их мнению, были основным средством сплочения масс вокруг I Интернационала⁵³.

Кроме проблем, касающихся содержания и методов пропаганды, рассматривался также вопрос о сфере ее применения. Никто из революционеров не сомневался в том, что пропаганда должна быть обращена прежде всего к крестьянам и рабочим. Однако есть и другие стороны этого вопроса, которые и подлежали обсуждению.

«Нужно ли вести пропаганду в войске» и «каковы должны быть ее цели?»⁵⁴ — вот что стало предметом дискуссии представителей кружков. В известной мере эта проблема была для них новой, хотя она могла возникать и раньше при обсуждении небольшого опыта революционной деятельности среди солдат. Однако ни одна из прежних народнических программ этот вопрос не решала. Вторая проблема, обсуждавшаяся при определении сфер пропаганды, уже неоднократно вызывала споры среди народников. Речь шла о том, «нужно ли вести пропаганду в привилегированных классах общества», какова «должна быть ее цель», а также «нужна ли особая литература для интеллигенции»?⁵⁵ Вопросы эти как будто были уже удовлетворительно решены, например, в программе чайковцев. Почему же они возникли снова? Может быть, чайковцы ставили перед своей деятельностью среди интеллигенции ограниченные задачи? По их мнению, пропагандисты могут знакомить интеллигенцию с фактами, которые характеризуют причины и цели социального движения, но только в том случае, если на это есть возможность и средства⁵⁶. Однако даже эта отнюдь не обязательная рекомендация вызывала среди народников возражение. Некоторые из них рассматривали работу среди интеллигенции как напрасную трату сил. Представители кружков в связи с этим отмечали, что за последнее время чаще стала высказываться мысль о нецелесообразности распространения среди интеллигенции специальной литературы, которая рассматривается как «излишняя роскошь», ибо она будто бы «может читаться почти исключительно людьми привилегированных классов»⁵⁷.

Представители кружков оставили этот вопрос на рассмотрение самих участников движения и тем не менее выразили свое к нему отношение. Они, очевидно, не были согласны с нигилистическим взглядом на «существование особой литературы для интеллигенции».

В связи с тем, что в кружках, как признавали составители анкеты, «существовала значительная путаница в понятиях относительно применения некоторых нравственных принципов», представители кружков обсудили проблемы революционной морали. Они не приняли на себя обязанность выработать ее «особые правила», ибо, по их мнению, «социалисты — люди с весьма определенными убеждениями, и единственным регулятором деятельности каждого из них могло быть только собственное убеждение»⁵⁸. Но всех представителей кружков, по-видимому, волновали вопросы нравственности. И хотя они не предполагали составлять «обязательный кодекс», тем не менее некоторые моральные проблемы они поставили. Участники Московского съезда полагали, что «таким образом выяснятся взгляды на этот предмет и в среде партии образуется нечто вроде общественного мнения, которое заставит отдельных лиц избегать поступков, могущих вредно отозваться на деятельности партии».

Что же все-таки вызывало у них беспокойство? «Принцип — цель оправдывает средства», когда он «разменивается... на мелкую монету и вследствие этого ведет к поступкам, которые компрометируют партию в глазах общества и порождают взаимное недоверие в среде самой партии»⁵⁹. Образно выражаясь, их все еще пугала тень Нечаева.

⁵³ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 405.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 88—89.

⁵⁷ Там же, стр. 405.

⁵⁸ Там же, стр. 405—406.

⁵⁹ Там же, стр. 406.

Кроме приведенного нами вопроса о возможности использовать в революционных целях религиозный фанатизм, участников съезда интересовало: «дозволительны ли ложь, обман, искажения и преувеличения фактов в делах партии» и «дозволительно ли пользоваться лицами, не принадлежащими к социалистической партии, как средством для достижения целей». В формулировке этих вопросов есть оттенок, позволяющий думать, что ожидаемый ответ — а именно отрицательный — заранее предполагается и подсказывается.

Таковы проблемы, которые авторы вопросника поставили на обсуждение в кружках. Они стремились к объединению сил и к выработке программы, но не решили пока этих задач. Результаты Московского съезда должны были сказаться только через год. Но в период, когда «эпоха пропаганды» уже подходила к концу, участники съезда сделали все, чтобы вывести революционные кружки из внутреннего кризиса. Представители кружков просили отвечать на анкету в том порядке, в каком они изложили вопросы — иначе мог «усложниться труд лица», которое должно было «заниматься сводом всех ответов», т. е. оформлением новой платформы.

Теперь возвратимся к тому, что сообщил об этой программе А. Д. Михайлов. Он утверждал, что чайковцы, создавая «Землю и волю», изменили свою программу. Это значит, что при всех различиях их программы и программы «Земли и воли» оба документа имели какую-то определенную связь. В чем же она выражалась? Очевидно, в том, что авторы программы «Земли и воли» писали новый документ, обновляя старую программу чайковцев на ее основе. Вопросник, выработанный представителями кружков в 1875 г., восстанавливает связь этих двух документов, показывая, по каким проблемам и как началось это изменение программы кружка чайковцев.

Данная выше характеристика анкеты свидетельствует о том, что почти каждый вопрос как-то уже освещался в программе чайковцев. Ранее Московского съезда ни одна из народнических программ не решала так последовательно и полно поставленные им проблемы, как программа этого кружка. Она не касалась только шести вопросов, причем два из них Кропоткин, ее автор, и не мог затрагивать, так как они были вызваны необходимостью создать единую организацию — т. е. задачей, которая возникла после оформления идеологической платформы чайковцев. Тематический план их программы совпадает с разделами вопросника, а сами вопросы изложены в том же порядке (за некоторым исключением), в каком они освещаются чайковцами. Все это свидетельствует о сильном влиянии программы чайковцев на составителей анкеты, а также о тесной связи обоих документов. На это указывает также общность некоторых стилистических деталей и смысловых оттенков анкеты и программы чайковцев.

Приведем пример. В первом же вопросе об окончательных целях партии обращает на себя внимание тот факт, что его составители без всякой, казалось бы, надобности пишут не просто об окончательных целях революционной организации, а о тех именно, «к осуществлению которых должна стремиться социалистическая партия». Этот оборот не вносит будто бы никаких уточнений в формулировку вопроса, потому что выражение «окончательные цели» само по себе предполагает только цели осуществимые. Каков же смысл этого выражения? Чтобы понять его, нужно обратиться к программе чайковцев, которая уже содержит такой же оборот. Именно в программе чайковцев говорится о «степени осуществления», «залоге осуществления», «сути осуществления идеала» и т. п. Таким образом выясняется, что «осуществимость окончательных целей» — это проблема, по-своему уже решенная чайковцами. Следовательно, вопрос анкеты сформулирован так, что он может быть понят шире, если ознакомившийся с ним пропагандист будет знать о том, что такое «степень осуществления», «залог осуществления» или «суть осуществления идеала»⁶⁰ (мы не касаемся сейчас содержания этих вопросов). Здесь совершенно ясно прослеживается стилистическая и смысловая связь этих двух документов.

Можно было бы привести и другие примеры. Однако ясно, что одинаковые выражения, сходная постановка вопросов и другие особенности наших документов говорят об их непосредственной связи. Что же это означает? Сомнительно, чтобы представители кружков различных направлений обсуждали программу чайковцев на самом съезде. Более вероятно, что еще до съезда чайковцы на основе своей старой платформы соста-

⁶⁰ «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. I, стр. 56, 57.

вили своеобразную программу вопросов для обсуждения на съезде. Это еще не была анкета, а только перечень проблем, которые необходимо было решить в программе объединенной организации. Когда на съезде выяснилось, что немедленное объединение революционных кружков невозможно, план его работы мог быть положен в основу анкеты для всех участников движения. Тогда, очевидно, было написано вступление, комментарии и заключение к вопросам. Во всяком случае, несомненно, что анкета представляет собой снятую с программы чайковцев форму для идеологической платформы будущей организации.

Таким образом, инициаторами идейной и организационной деятельности, которая привела через год к возникновению «Земли и воли», были чайковцы. Именно они, привлекая к себе новые силы в кружках, изменяя свою программу, сделали первый шаг к созданию новой организации. Это обстоятельство раскрывает настоящий смысл того, что говорил А. Д. Михайлов о возникновении «Земли и воли». Корни этой организации уходят в кружок чайковцев, а не в группу «Земля и воля» (имеются в виду Преображенский, Буланов, Сергеев и др.), как это предполагает П. С. Ткаченко. Это не значит, конечно, что последняя группа не имела влияния на создание новой организации. Наоборот, она могла даже передать ей свое название (что, как нам кажется, еще нужно доказать). Но, соглашаясь с П. С. Ткаченко в том, что основы «Земли и воли» начали закладываться с конца 1875 г., мы думаем, что поиски зародыша этой организации в одном кружке «Земля и воля» ни к чему не приведут.

Начало идейной и организационной работы, приведшей к созданию «Земли и воли», было положено Московским съездом народников. В его истории выдающуюся роль сыграли чайковцы. Но Московский съезд был съездом кружков различных направлений, а анкета должна была вовлечь в работу по созданию новой партии более широкие круги революционеров. Ведь представители кружков обращались за помощью буквально к «каждому» участнику движения. Только долгий путь поисков, острой идейной борьбы, сложных противоречий и тяжелых испытаний привел народников к организации «Земли и воли». Это был период их идейного размежевания вокруг вопросов, поднятых представителями кружков, время большого перелома. Только через опыт многих кружков и благодаря неоднократным попыткам всякого рода объединений народники создали организацию, которую В. И. Ленин считал в своем роде образцовой⁶¹.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 135.